

Т. С. АЛЕКСАНДРОВА и Г. А. СОБОЛЕВ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР В АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Современная эпоха характеризуется огромным усилением позиций коммунизма во всем мире.

В СССР социализм победил не только полностью, но и окончательно. Мировая социалистическая система оказывает все большее воздействие на ход истории, на судьбы человечества.

Основным содержанием современной эпохи, как указывается в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, является «переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией».¹ В этих условиях все возрастающий интерес приобретает исторический опыт борьбы советского народа за победу социализма. Прогрессивные силы всего мира с огромным вниманием и интересом анализируют пути социалистического строительства в первой стране социализма, стремясь использовать в опыте Советского государства все ценное и положительное применительно к условиям своих стран.

Переход от капитализма к социализму — важнейшая историческая закономерность современной эпохи. И именно потому, что буржуазия боится этой объективной необходимости, она стремится опорочить социализм, представить его в извращенном виде.

Мировоззрение историков в конечном итоге зависит от их классовой позиции. И сколько бы ни заявляли буржуазные историки о том, что они выступают лишь в роли беспристрастных «наблюдателей-современников», «собираателей исторических фак-

¹ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., Госполитиздат, 1961, стр. 39.

тов»,² их классовые позиции обозначены очень определенно. В. И. Ленин отмечал, что «„беспристрастной“ социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе».³ Буржуазные историки, стоящие на реакционных политических позициях, не могут сочувствовать современному общественному прогрессу и потому отрицают закономерность прогрессивной смены общественных формаций, признание которой ведет к признанию исторической обреченности буржуазного строя. Буржуазные ученые, защищающие интересы монополистического капитала, ставят своей задачей развенчать в глазах трудящихся огромное значение исторического опыта построения социализма в СССР и других странах социалистического лагеря.

Особый интерес к изучению истории советского общества наблюдается в Соединенных Штатах Америки. Здесь существуют многочисленные «исследовательские центры» по изучению истории Советского Союза и его современного развития. Все эти центры щедро финансируются заинтересованными в их деятельности заправилами монополистического капитала.⁴ На средства рокфеллеровского фонда, например, был основан в 1946 г. Русский институт при Колумбийском университете; институт объединяет социологов, экономистов, юристов, историков, специализирующихся в области изучения Советского Союза. «Русский исследовательский центр» при Гарвардском университете, созданный в 1948 г. на средства корпорации Карнеги,⁵ является одним из самых крупных центров по изучению СССР. Со времени его основания здесь было защищено 37 докторских диссертаций, издано много книг по истории Советского Союза, опубликовано множество статей о нашей стране в различных периодических изданиях.⁶ То обстоятельство, что в Америке ежегодно выходит в свет большое число работ о СССР, не является случайным. Большая часть этой литературы носит явно выраженный пропагандистский антисоветский характер, будучи одним из проявлений «холодной войны». За последние 10—12 лет идеологическая борьба на мировой арене приняла особенно острый и ожесточенный характер, что не могло не отра-

² А. Мазоуг. *Modern Russian Historiography*. Princeton, 1958, p. 251.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 3.

⁴ См., например, С. Black, H. Roberts. *An Appraisal of Russian Studies in the United States*. «The American Slavic and East European Review», 1959, October, p. 425.

⁵ Контракт «Carnegie Corporation» с исследовательским центром сначала был заключен на 5 лет; в 1953 г. он был продлен до 1963 г. «Harvard University. Russian Research Center». *Ten-year Report and Current Projects, 1948—1958*. Cambridge, 1958, p. 5—6.

⁶ Там же, стр. 8.

зиться и на исторической науке. Это отрицательное воздействие напряженной международной политической обстановки на характер исторических исследований, проводимых некоторыми историками Запада, вынуждены признать и американские историки; по словам А. Мазура, в сложившихся условиях «писатель подвергает себя дополнительной опасности серьезного испытания его беспристрастия».⁷

Характерно, что и взгляды тех немногих американских буржуазных историков, которые ранее приближались к объективному изложению некоторых вопросов истории советского общества, в этот период претерпевают значительное изменение. Интересна в этом отношении эволюция взглядов профессора Ф. Шумана. В своей книге, вышедшей в 1946 г., он стремился правдиво рассказать о том, как проходила социалистическая индустриализация в СССР, отмечая при этом большую роль трудящихся масс в строительстве социализма.⁸ В предисловии же к своей книге «Россия с 1917 года», изданной в 1957 г., Шуман признает, что некоторые его взгляды на историю советского общества «изменились в свете новых фактов».⁹ В первый момент можно подумать, что здесь идет речь о пересмотре взглядов ученого, обусловленном новыми накопленными фактами. Однако при дальнейшем чтении выясняется, что никаких новых фактов в распоряжении Ф. Шумана не имеется, так как сведения, почерпнутые им из тенденциозных работ некоторых американских историков, не соответствуют исторической действительности.¹⁰

Отмечая, что центральным фактом советской жизни является превращение отсталой России в «процветающую Россию шестого пятилетнего плана», автор вместе с тем пытается внушить читателю, будто экономические успехи СССР не связаны с интересами народа.¹¹ Шуману очень бы хотелось, чтобы ему поверили на слово, что «капитализм» XIX в., против которого восстали «социалисты» XIX в., больше не существует, а социализм будто бы не является магической силой для достижения социальной справедливости.¹² Понятно поэтому, что американская буржуазная пресса с удовлетворением отмечала, что работа

⁷ A. Mazour. *Modern Russian Historiography*, p. VII.

⁸ F. Schuman. *Soviet Politics at Home and Abroad*. N. Y., 1946, p. 211.

⁹ F. Schuman. *Russia since 1917*. N. Y., 1957, p. VIII—X.

¹⁰ Например, в главе «Социалистическое государство» Шуман пользуется данными из таких клеветнических работ как: Н. Вегман. *Justice in Russia*. Cambridge, 1950; S. Schwartz. *Labor in the Soviet Union*. N. Y., 1952, и др.

¹¹ F. Schuman. *Russia since 1917*, p. 143.

¹² Там же, стр. 475.

Ф. Шумана «Россия с 1917 года» свидетельствует об изменениях его взглядов.¹³

Такое же «превращение» произошло и с американским историком У. Чемберлином, находившимся с 1922 по 1933 г. в СССР в качестве корреспондента газеты «Кристчиэн Сайенс Монитор». В 1930 г. он писал, что советская система «не является непопулярной в народных массах... Весьма значительное число беспартийных мужчин и женщин имеют возможность участвовать в общественной жизни, которую они едва ли могли иметь в дореволюционное время».¹⁴ Однако в статье, посвященной 40-летию Советского государства, он отказался даже от такого более чем сдержанного признания единства власти и народа в СССР.¹⁵

В сборнике «Американские исследования о России»¹⁶ содержится ряд интересных признаний, позволяющих понять характер американской литературы по истории советского общества. На вопрос, «могут ли американцы добавить что-либо существенное к работе, уже проделанной советскими историками»,¹⁷ Дж. Кертисс в обзоре американской литературы по истории России отвечает утвердительно и вот из каких соображений. Работы советских историков, посвященные истории России до середины XIX в., он называет «превосходными исследованиями», изучение же советскими историками истории России последнего столетия Кертисса не удовлетворяет. Пытаясь как-то аргументировать мысль, почему американские специалисты по истории советского общества «не могут быть удовлетворены выводами советских историков», он ссылается на то, что в СССР, мол, историки все освещают с позиций Коммунистической партии.¹⁸ Однако понятно, что истинные причины, по которым американские историки усиленно занимаются историей советского общества, вытекают из той роли, которая отводится буржуазной исторической науке в борьбе монополистического капитала против социализма.

Кертисс вынужден признать, что «интересы американских историков к России в значительной степени сосредоточены на вопросах политического и интеллектуального развития».¹⁹ Эту особенность американской литературы по истории советского

¹³ «New York Times Book Review», 1957, 4 August.

¹⁴ W. Chamberlin. Soviet Russia. Boston, 1930, p. 118.

¹⁵ W. Chamberlin. Forty Years of Soviet Communism. «The Russian Review», 1958, January, p. 10.

¹⁶ «The American Research on Russia», Bloomington, 1959.

¹⁷ Там же, стр. 28.

¹⁸ Там же, стр. 28—29.

¹⁹ Там же, стр. 33.

общества автор объясняет тем, что социально-экономическая история требует типа источников, «далеко менее доступного, чем тот, который необходим для политической и интеллектуальной истории».²⁰ Но как можно изучать политическую историю в отрыве от социально-экономической? В самих США либерально-буржуазная историография давно признала тесную связь между этими двумя сторонами исторической действительности. Историки, игнорирующие эту связь, разумеется, не в состоянии «добавить что-либо существенное к работе, уже проделанной советскими историками». Для поверхностного же и тенденциозного толкования истории советского общества в серьезных источниках нет никакой нужды.

Методы фальсификации этой истории у различных американских буржуазных историков весьма однообразны, о чем свидетельствуют работы Б. Мура,²¹ Д. Далина,²² Р. Пайпса,²³ Г. Кона,²⁴ М. Фейнсода,²⁵ М. Рена²⁶ и др. Их книги, полные лжи и клеветы на Советский Союз, широко популяризируются в США. Такова книга М. Фейнсода «Как управляется Россия», которая начиная с 1953 и по 1958 г. переиздавалась ежегодно.²⁷ Пропагандистский характер подобной литературы о СССР вынуждена признать даже буржуазная печать. О работе Д. Далина «Меняющийся облик Советской России», «Таймс» писала: «Недостатком этой книги весьма временного значения является то, что она быстро теряет свою новизну... Читатель „Меняющегося облика Советской России“ скоро начинает чувствовать, что он уже слышал все это раньше, то ли от самого мистера Далина, то ли от бесчисленных подражателей».²⁸⁻²⁹

Реакционные американские историки, упражняющиеся в клевете на СССР, по-прежнему широко используют в качестве источников троцкистскую, белоэмигрантскую литературу и тому

²⁰ Там же, стр. 33.

²¹ В. Moore. Soviets Politics — the Dilemma of Power. Cambridge, 1950.

²² D. Dallin. The Changing World of Soviet Russia. New Haven, 1956.

²³ R. Pipes. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism, 1917—1923. Cambridge, 1954.

²⁴ H. Kohn. Basic History of Modern Russia. Princeton, 1957.

²⁵ M. Fainsod. How Russia is ruled. 1st edition, Cambridge, 1953.

²⁶ M. Wren. The Course of Russian History. New York, 1958.

²⁷ M. Fainsod. How Russia is ruled. 6th edition, Cambridge, 1958. (Далее цитируется это издание). М. Фейнгод — профессор Гарвардского университета, один из руководителей «Русского исследовательского центра» при университете и его органа «The American Slavic and East European Review»; Фейнгод считается в США одним из лучших специалистов по делам России.

²⁸⁻²⁹ «Times Literary Supplement», 1956, 5 Oct.

подобные мутные источники. В 1950—1951 гг. «Русский исследовательский центр» Гарвардского университета на средства и по поручению разведки военно-воздушного флота провел опрос так называемых перемещенных лиц. На основе этого сомнительного «материала» было сфабриковано несколько фальшивок.³⁰ О таких «трудах» можно было бы и не упоминать, если бы они не преподносились в качестве «блестящих исследований»³¹ и не использовались бы в других книгах.³²

Многие работы американских историков, посвященные истории советского общества, свидетельствуют о стремлении их авторов придать своим исследованиям видимость научности и объективности. В упомянутой книге М. Фейнсода имеется большой научный аппарат, автор часто ссылается на работы В. И. Ленина, советские статистические сборники, газеты, труды советских историков.³³ Мы увидим далее, что все это не более как средство, с помощью которого автор стремится замаскировать произвольные суждения и антинаучные выводы.

Из монографических работ реакционных американских историков антисоветские измышления перекочевывают в общие курсы. Характерным примером могут служить курсы по истории России и Советского Союза У. Уолша и М. Рена.³⁴ В курсе профессора Монтанского университета М. Рена главы, посвященные истории России советского периода, написаны на основе названных работ М. Фейнсода, Д. Далина, Б. Мура, А. Инкелеса и др.³⁵

Неудивительно, что советские ученые резко выступают против попыток реакционных представителей буржуазной науки извратить сущность теории и практики построения социализма в СССР, принизить достижения социалистической системы, подорвать веру трудящихся в социализм. За последние годы появился ряд работ советских исследователей, в которых подвер-

³⁰ В. Moore. *Terror and Progress in the USSR*. Cambridge, 1954; R. Bauer, A. Inceles, C. Kluckhohn. *How the Soviet System Works*. Cambridge, 1956; R. Bauer, A. Inceles. *The Soviet Citizen*. Cambridge, 1959.

³¹ Так отозвался о книге Р. Бауэра, А. Инкелеса и К. Ключхона «Как действует советская система» Дж. Армстронг («*The American Research on Russia*», р. 54).

³² М. Wren, ук. соч., стр. 592—593.

³³ Впрочем, М. Фейнгод не пренебрегает и такими видами «источников», которыми ни один добросовестный историк не стал бы пользоваться.

³⁴ W. Walsh. *Russia and Soviet Union*. Michigan, 1958; M. Wren, ук. соч.

³⁵ Следует назвать также книги Мейснера и Ростова (В. Meissner. *The Communist Party of Soviet Union*. N. Y., 1956; W. Rostow, A. Levin. *The Dynamics of Soviet Society*. N. Y., 1953).

гнуты критике порочные методологические принципы и тенденциозное освещение исторической действительности в буржуазной литературе.³⁶ В журналах «Коммунист», «Вопросы истории», «История СССР», «Вопросы философии», «Вопросы экономики» и других все чаще появляются критические обзоры буржуазной литературы о СССР, а также рецензии на работы буржуазных ученых.

В данной статье делается попытка показать полную научную несостоятельность ряда работ американских буржуазных историков, посвященных истории социалистического строительства в СССР. Основные усилия американских реакционных историков направлены на то, чтобы доказать, что советское социалистическое государство рабочих и крестьян якобы вовсе не является таковым; при этом выдвигаются различные «теории» и объяснения, которые, несмотря на кажущееся их многообразие, весьма единообразны по своей антисоветской направленности. В ряде работ заметно, в частности, стремление найти какое-то несуществующее противоречие между теорией марксизма-ленинизма и практикой социалистического строительства и в соответствии с этим исказить сущность основных этапов построения социализма в СССР. Это стремление в свою очередь приводит к попытке обнаружить в советском обществе «новые классы», исказить роль Коммунистической партии в Советском государстве, найти подтверждение своим предвзятым представлениям о «советском тоталитаризме», которые сводятся к отрицанию активного участия трудящихся масс и в первую очередь рабочего класса в построении нового социалистического общества, т. е. к полному извращению сущности советского строя.

Вопрос о классах и классовой борьбе в переходный период от капитализма к социализму является одним из наиболее важных для понимания всего процесса строительства социализма в СССР. В буржуазной исторической литературе этому вопросу уделяется особенно большое внимание.

Конкретно исторические условия переходного периода от капитализма к социализму в СССР отличались большим своеобразием и сложностью. В этот период, занявший целую истори-

³⁶ «Против фальсификации истории», сб. ст., ред. В. Г. Трухановский и др. М., 1959; В. В. Лебедев, А. О. Чубарьян. Против антимарксистского освещения истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959; «Экономическое соревнование между СССР и США». Критика взглядов американских буржуазных экономистов, М., 1959; «Кризис современной буржуазной философии и ревизионизма», сб. ст., ред. М. А. Наумова и др. М., 1959; И. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959; «Против буржуазной фальсификации истории советского общества», сб. ст., М., 1960. Ю. Карякин, Е. Плимак. Мистер Кан исследует «русский дух». М., 1961.

ческую полосу, существовали три основные экономические уклады: вновь созданный социалистический уклад и оставшиеся от прежнего строя мелкотоварный и частнокапиталистический уклады. Этим укладам, или общественным формам хозяйства, соответствовали три класса: рабочий класс, крестьянство и буржуазия. Многоукладность советской экономики выражалась также в наличии патриархального (натурального) хозяйства и государственно-капиталистического уклада, которые играли относительно незначительную роль в экономике страны.³⁷ Основные проблемы переходного периода были, как известно, разработаны В. И. Лениным, который показал не только положение и особенности классов в этот период, но и их взаимоотношения, новые формы классовой борьбы и т. п.

Тщетно было бы искать в работах буржуазных историков научного освещения классовой борьбы в период перехода от капитализма к социализму. Искажая классовую природу советского общества, они рисуют извращенную картину его развития. Их усилия в этом направлении наглядно подтверждают мысль В. И. Ленина о том, что для буржуазии особенно страшен и неприемлем неизбежный вывод о классовой борьбе после завоевания политической власти пролетариатом — вплоть до уничтожения классов.³⁸

Отсутствие научного подхода к рассмотрению классового состава советского общества, затушевывание истинных процессов классовой борьбы лежит в основе искаженного изображения буржуазными историками «новой экономической политики», сыгравшей исключительно важную роль в деле строительства социализма в СССР. Большинство американских историков рассматривает НЭП односторонне, только как серию мероприятий, целью которых была уступка крестьянству.

Для Фейнсода НЭП не более, чем умиротворение «массового недовольства».³⁹ Г. Вернадский рассматривает НЭП как «общее отступление от социалистической системы во всей сфере производства», которое сопровождалось, по его мнению, уничтожением социалистических принципов в распределении.⁴⁰ У. Уолш оценивает НЭП как «рискованное предприятие» с целью использования частной инициативы для восстановления разрушенной экономики страны.⁴¹ Подобные взгляды на НЭП не являются новыми, они заимствованы из белогвардейской и троц-

³⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 309—310.

³⁸ Там же, т. 29, стр. 388.

³⁹ M. Fainsod, ук. соч., стр. 97.

⁴⁰ G. Vernadsky. A History of Russia. New Haven, 1954, p. 324.

⁴¹ W. Walsh, ук. соч., стр. 426.

кистской литературы, широко распространяемой в США. Во взглядах троцкистов, расценивавших НЭП только как отступление, как постепенный поворот к возврату капитализма, отражались надежды всех реакционных сил внутри страны и за рубежом на реставрацию капитализма в нашей стране.

На самом деле трудности весны 1921 г. лишь ускорили переход к НЭПу, но не являлись главной причиной введения этой политики. В провозглашенной X съездом Коммунистической партии новой экономической политике нашли дальнейшее развитие положения работы В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» о создании основ социалистической экономики, написанной в начале 1918 г. Как известно, навязанные советскому народу гражданская война и интервенция помешали осуществлению выдвинутых В. И. Лениным еще в 1918 г. задач социалистического строительства. Во весь рост эти задачи встали только после победоносного окончания войны. Переход к НЭПу определялся прежде всего многоукладностью экономики страны, необходимостью использования торговли и денег для поднятия крестьянских хозяйств, а в конечном итоге — для строительства социализма. Исходным пунктом строительства нового общества являлась социалистическая собственность на средства производства, хозяином которой стал при советской власти трудовой народ. Но в условиях многоукладной экономики и преобладания мелкотоварных крестьянских хозяйств успешное социалистическое строительство могло проходить лишь при наличии прочного союза пролетариата с крестьянством.

Для «обоснования» своей оценки значения НЭПа Фейнсод извращает марксистско-ленинское учение о крестьянстве как союзнике рабочего класса, игнорируя при этом процесс дифференциации, происходивший в крестьянстве.⁴² Маркс и Энгельс считали вопрос о союзе рабочего класса с крестьянством одним из важнейших вопросов стратегии и тактики пролетариата в революции. В ряде своих трудов («Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции», «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» и др.) они показали, что основная масса крестьянства при капитализме подвергается такой же жестокой эксплуатации, как и пролетариат. «Завоевание политической власти социалистической партией, — писал Энгельс, — стало делом близкого будущего. Но, чтобы завоевать политическую власть, эта партия должна

⁴² М. F a i n s o d, ук. соч., стр. 442.

сначала из города пойти в деревню, должна сделаться силой в деревне».⁴³⁻⁴⁴

Развивая положения, высказанные основоположниками марксизма, В. И. Ленин разработал цельное и всестороннее учение о союзе рабочего класса с крестьянством. Ведя непримиримую борьбу с меньшевистско-троцкистскими взглядами на крестьянство как на сплошную реакционную массу, он подчеркивал двойственную природу крестьянства: «... пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина трудящегося от крестьянина собственника, — крестьянина работника от крестьянина торгаша, — крестьянина труженика от крестьянина спекулянта.

В этом разграничении *вся суть социализма*».⁴⁵

Фейнсон умалчивает, что в своей политике по отношению к крестьянству на различных этапах революции и социалистического строительства Коммунистическая партия исходила из наличия различных слоев в крестьянстве — бедноты, середняков и кулаков. Он также отрицает военно-политический союз пролетариата с крестьянством в годы гражданской войны и интервенции.⁴⁶ Исторический опыт Коммунистической партии, сумевшей обеспечить прочный союз рабочего класса с крестьянством в ходе построения социализма, является убедительным опровержением измышлений буржуазных идеологов.

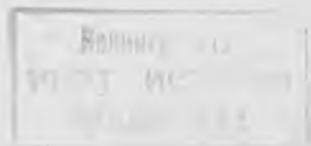
Замена продрозверстки продналогом весной 1921 г. способствовала в первую очередь восстановлению сельского хозяйства, а также созданию сырьевой и продовольственной базы для развития промышленности и рынка сбыта промышленной продукции. В первые годы проведения НЭПа среди крестьянства наблюдался процесс дифференциации, но сущность дифференциации крестьянских хозяйств в условиях советской экономики была отлична от дифференциации, происходившей в условиях капитализма. Если при капитализме результатом расслоения, с одной стороны, было значительное усиление кулачества, а, с другой стороны, шел процесс массового обезземеливания и обнищания крестьянства, то в условиях НЭПа шел процесс увеличения удельного веса середняцких хозяйств.

Коммунистическая партия и Советское правительство проводили политику ограничения и вытеснения кулачества, всемерно развивая кооперативное движение в деревне, оказывая помощь

⁴³⁻⁴⁴ Ф. Энгельс. Крестьянский вопрос во Франции и Германии К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. Госполитиздат, 1952, стр. 402.

⁴⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 92—93.

⁴⁶ М. Fainson, ук. соч., стр. 93.

П 22699

бедноте и укрепляя союз со средним крестьянством. В результате этой политики в 1926/27 г. кулаки в деревне составили лишь 5,2%,⁴⁷ в то время как в 1913 г. в царской России кулаки составляли 12,3% всех крестьянских хозяйств.⁴⁸ В то же время количество середняцких хозяйств непрерывно возрастало. Если в дореволюционной России середняки составляли лишь 20% всех крестьян, то в 1927 г. их было уже около 60% сельского населения страны.⁴⁹ Вопреки этим фактам М. Фейнсод утверждает, что процесс дифференциации, происходивший среди крестьянства в период НЭПа, давал, с одной стороны, могущественный слой мелкобуржуазных собственников, а с другой стороны — наемных рабочих.⁵⁰

Товарное производство в годы НЭПа развивалось при регулирующей роли пролетарского государства, владевшего командными высотами народного хозяйства, при ведущей роли в экономике социалистического уклада. Уже в 1926/27 г. середняки и бедняки поставляли почти три четверти (74%) всего товарного хлеба, в то время как кулаки — только 20%.⁵¹

В современной американской литературе хронологические рамки НЭПа определяются 1921—1927/28 гг.⁵² Годы индустриализации и коллективизации противопоставляются периоду НЭПа. По мнению Фейнсода, программу быстрой индустриализации нельзя было осуществить в рамках НЭПа, поэтому он считает, что новая экономическая политика была ликвидирована «и началась эра пятилетних планов».⁵³ В действительности, индустриализация, так же как и ленинский кооперативный план, являлись составными частями НЭПа. Новая экономическая политика осуществлялась в нашей стране в течение всего переходного периода, вплоть до построения фундамента социализма.

Буржуазные историки уже не могут замалчивать грандиозные успехи Советского Союза в области индустриализации, но

⁴⁷ М. А. Краев. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954, стр. 347.

⁴⁸ VII съезд Советов Союза ССР, стенографический отчет. М., 1935. Бюллетень № 1, стр. 40 (в абсолютных цифрах это выглядит так: в 1913 г. в России было 17,1 млн кулаков, в 1928 г. — 5,628 тыс. кулаков).

⁴⁹ В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957, стр. 77.

⁵⁰ М. Fainsod, ук. соч., стр. 100.

⁵¹ П. И. Ляшкнко. История народного хозяйства, т. III. Социализм. М., 1956, стр. 243.

⁵² У. Уолш считает, что новая экономическая политика была в силе лишь с 1921 по 1928 гг. (W. Walsh, ук. соч., стр. 423); Ф. Шуман пишет, что «социалистическое наступление в 1928 г.» положило конец новой экономической политике (F. Schuman, ук. соч., стр. 143).

⁵³ М. Fainsod, ук. соч., стр. 102, 446.

они стремятся найти свое «объяснение» этим успехам, извращая при этом истинный смысл и характер социалистической индустриализации. У. Чемберлин, например, наши успехи объясняет не преимуществами плановой социалистической экономики, а общим научным и техническим прогрессом, якобы охватившем почти все страны мира за последние четыре десятилетия.⁵⁴ Г. Кон также не склонен расценивать социалистическую индустриализацию как достижение Советского государства, так как, по его мнению, уже «в 1914 г. Россия владела основами современной промышленной системы, западного опыта и технического искусства...».⁵⁵

Необоснованность подобных взглядов очевидна. Общеизвестна технико-экономическая отсталость дореволюционной России, аграрный характер страны, ее финансовая и политическая зависимость от главных капиталистических стран Запада. Характерно было именно возрастание, а не уменьшение отсталости России. По выплавке стали в 1913 г. Россия занимала пятое место в мире, по добыче угля — шестое место, а по производству электроэнергии — пятнадцатое место в мире.⁵⁶

Экономическая отсталость дореволюционной России особенно наглядно подтверждалась низким уровнем производства важнейших продуктов промышленности на душу населения. Так, в 1913 г. в царской России производилось на душу населения: угля и стали — 30 кг или в 12,5 раза меньше, чем в США; нефти — 66 кг или более чем в 5 раз меньше; электроэнергии — 14 квтч, или в 20 раз меньше, чем в Соединенных Штатах Америки.⁵⁷

Экономическая, техническая и политическая отсталость царской России со всей наглядностью проявилась в годы первой мировой войны. Россия переживала тяжелейшую экономическую разруху, страна стояла накануне национальной катастрофы. К чему это могло привести, если бы не произошла социалистическая революция? «Политика буржуазии и помещиков, — говорил Н. С. Хрущев, — обрекала Россию на расчленение империалистическими хищниками, на превращение ее в колонию крупнейших капиталистических держав Запада».⁵⁸

Таким образом, ни царизм, ни Временное правительство не могли вывести страну из вековой отсталости и хозяйственной

⁵⁴ W. Chamberlin. Forty Years of Soviet Communism, p. 6.

⁵⁵ Н. Коhn, ук. соч., стр. 113.

⁵⁶ Всемирная история, т. VII, М., 1960, стр. 465.

⁵⁷ «СССР в цифрах», М., 1958, стр. 77.

⁵⁸ Н. С. Хрущев. Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции. Госполитиздат, М., 1957, стр. 6.

разрухи. Спасти положение, как указывал В. И. Ленин еще в сентябре 1917 г., могла лишь социалистическая революция, главной задачей которой было превращение отсталой России в экономически передовую державу.⁵⁹

Только осуществление социалистической индустриализации могло коренным образом преобразовать экономику страны, обеспечить победу социализма. Этого-то и не хотят признавать буржуазные идеологи.

Важнейшей составной частью научно обоснованной ленинской программы социалистического строительства являлась индустриализация страны. Коммунистическая партия, руководствуясь ленинской программой построения социализма, возглавила советский народ в борьбе за индустриализацию.

Высокие темпы индустриализации страны были экономической необходимостью для коренной реконструкции всех отраслей народного хозяйства, социалистического преобразования деревни, улучшения благосостояния трудящихся, укрепления обороноспособности. Только ускоренное развитие крупной промышленности на базе новой техники могло ликвидировать несоответствие между самой передовой в мире политической властью и ее слабой материально-технической базой. Необходимость высоких темпов индустриализации диктовалась, сверх того, и внешними условиями — наличием капиталистического окружения. За исторически короткий срок страна была превращена из отсталой и аграрной в передовую индустриальную державу, завоевала полную технико-экономическую независимость. В 1940 г. продукция крупной промышленности превысила уровень 1913 г. более чем в 11 раз.⁶⁰

Высокие темпы роста промышленности СССР являются наглядным показателем преимуществ социалистической системы перед капиталистической. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции в СССР составляли за 11 лет (1930—1940 гг.) 16,5%, в то время как за этот же период в Америке они составляли 1,2%, в Англии — 2,1%, во Франции производство промышленной продукции даже упало на 2,2%.⁶¹⁻⁶²

Уже в 30-х годах экономическое развитие СССР показало, что грандиозные успехи Советского государства нельзя объяснить общемировым техническим прогрессом, что эти успехи вытекают из преимуществ передовой социалистической системы. Особенно ярко это подтверждается экономическим развитием

⁵⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 295—339.

⁶⁰ «Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах». Госполитиздат, М., 1957, стр. 56.

⁶¹⁻⁶² «СССР в цифрах», стр. 18.

нашей страны в современных условиях. В настоящее время СССР уже обогнал США по абсолютному ежегодному приросту многих видов продукции. Искусственные спутники и «лунники», межконтинентальные баллистические ракеты, космические корабли типа «Восток I» и «Восток II» с советскими космонавтами на борту, современные самолеты ТУ-104 и ТУ-114, атомные электростанции, атомный ледокол и многое другое — все это является наглядным подтверждением преимуществ социалистической системы хозяйства перед капиталистической. Социализм настолько убедительно доказал свое превосходство над капитализмом, что это были вынуждены признать буржуазные ученые и представители делового мира. Директор Русского института при Колумбийском университете Г. Робертс писал в 1956 г., что «в конечном итоге Советский Союз догонит и перегонит Соединенные Штаты Америки», так как в этом соревновании «все преимущества на стороне государства, развивающегося более быстрыми темпами».⁶³

В отличие от капиталистической индустриализации, которая всюду начиналась с развития легкой промышленности, социалистическая индустриализация состояла в первую очередь в развитии тяжелой индустрии. Уже первые итоги проведения политики индустриализации показали успешное развитие крупной машинной промышленности — основы социалистической экономики.⁶⁴

Задачи социалистической индустриализации и социалистического строительства в целом могли быть решены — и они были решены — при активном участии всего советского народа и в первую очередь рабочего класса. В этой связи особенно нелепыми выглядят утверждения некоторых американских историков о мнимом безразличии, пассивности и незаинтересованности рабочего класса в выполнении грандиозных планов социалистического строительства.⁶⁵

Профессор Ф. Шуман, признавая огромные успехи Советского Союза в промышленном и культурном развитии,⁶⁶ вместе

⁶³ H. Roberts. *Russia and America*. N. Y., 1956, p. 53.

⁶⁴ В 1928 г. продукция всей промышленности СССР по сравнению с 1913 г. возросла на 32%, продукция тяжелой промышленности — на 52%. «Достижения советской власти за сорок лет в цифрах», стр. 56.

⁶⁵ См., например, M. Wren, ук. соч., стр. 602; W. Walsh, ук. соч., стр. 444; D. Dallin, ук. соч., стр. 104; I. Deutscher. *Russia in Transition*. N. Y., 1957, p. 114.

⁶⁶ Ф. Шуман в отличие от некоторых своих коллег, не желающих видеть разницы между индустриализацией СССР и индустриализацией капиталистических стран, отмечает, что если другим странам потребовалось

с тем считает, что «социалистическое наступление» якобы не было выражением воли рабочих и крестьян; по его мнению, многие из них «предпочитали относительное процветание 1927 г. и медленный и безболезненный „естественный“ рост экономики» «бешеным темпам» развития. В доказательство выдвинутого им положения Шуман ссылается на вымышленные «особенности» русского характера.⁶⁷

С целью принизить роль трудящихся Советского Союза в строительстве социализма в буржуазной исторической литературе искажается история, характер и сущность социалистического соревнования. Если верить И. Дейчеру, то после введения НЭПа о социалистическом соревновании почти ничего не было слышно около десяти лет.⁶⁸

Если же верить фактам, то массовому социалистическому соревнованию предшествовали такие формы творческой производственной активности рабочих, как производственные совещания, общественно-производственные смотры, производственные переключки, конкурсы на лучшего рабочего и лучший цех. Производственные совещания, возникшие в 1924 г., были формой вовлечения рабочих в дело практического строительства советского хозяйства и на 90% состояли из рабочих.⁶⁹

В Ленинграде в 1927 г. производственными совещаниями было охвачено 25% всех рабочих. На многих предприятиях, где работало свыше 10 тыс. человек (ленинградский завод «Красный треугольник», московский завод «Дукс», нижегородский завод «Красное Сормово» и др.), в производственных совещаниях участвовало 30—60% рабочих.⁷⁰

Реализация предложений производственных совещаний дала большой экономический эффект. На ленинградском заводе «Красный выборжец» от реализации 171 предложения было получено в мае—июле 1926 г. 114.924 рубля экономии.⁷¹

для этого более половины века, то в СССР индустриализация была осуществлена за одно десятилетие и без частного капитала и иностранных займов (F. Schuman, ук. соч., стр. 144).

⁶⁷ Там же, стр. 143.

⁶⁸ I. Deutscher. Russia in Transition, p. 114.

⁶⁹ Л. С. Рогачевская. Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации. М., 1959, стр. 111; Э. Б. Генкина. Возникновение производственных совещаний в годы восстановительного периода (1921—1925). «История СССР», 1958, № 3, стр. 77—79.

⁷⁰ Л. С. Рогачевская, ук. соч., стр. 112.

⁷¹ Там же, стр. 114.

Характерно, что большинство предложений поступало от рабочих.⁷²

Массовое социалистическое соревнование, возникшее в начале 1929 г. по инициативе самих рабочих, явилось ответом на принятие первого пятилетнего плана, на высокие темпы индустриализации. «Этап социалистического строительства, нами переживаемый, — говорил председатель ВСНХ СССР В. В. Куйбышев на Первом съезде ударных бригад, — характерен тем, что произошло огромное усиление активности масс рабочего класса и крестьянства в строительстве социализма».⁷³ Самодетельное массовое движение ударников, развернувшееся в годы первой и второй пятилеток, явилось практическим осуществлением идей В. И. Ленина о вовлечении масс в активное строительство нового общества. Массовое социалистическое соревнование стало основным методом строительства социализма. Оно явилось убедительным подтверждением предвидения В. И. Ленина, что только освобожденные от эксплуатации народные массы в условиях социализма по-настоящему развернут неисчерпаемые запасы сил и энергии, постоянно проявляя в свободном труде свои способности, таланты, инициативу и творчество.

В работах советских историков и экономистов, а также в изданных сборниках документов нашли научное освещение этапы социалистического соревнования, его конкретная направленность, руководящая роль партийных и профсоюзных организаций.⁷⁴ Однако в современной буржуазной литературе по-прежнему распространяется клевета на социалистическое соревнование и делаются тщетные попытки исказить его характер, поста-

⁷² Материалы выборочного обследования 683 предприятий показали, что в 1926/27 г. производственные совещания передали администрации около 70 тыс. предложений, из которых более 80% исходило от рабочих (А. С. Рогачевская, ук. соч., стр. 113).

⁷³ Первый Всесоюзный съезд ударных бригад. М., 1959, стр. 41.

⁷⁴ М. Эскин. Основные пути развития социалистических форм труда. Л., 1936; И. И. Кузьминов. Стахановское движение — высший этап социалистического соревнования. М., 1940; Г. Н. Евстафьев. Социалистическое соревнование — закономерность и движущая сила экономического развития советского общества. М., 1952; Р. П. Дадькин. Начало массового социалистического соревнования в промышленности СССР. М., 1954; С. Р. Гершберг. Руководство Коммунистической партии движением новаторов промышленности (1935—1941 гг.). М., 1956; А. С. Рогачевская, ук. соч.; «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.)». Сб. докум. под редакцией Д. А. Баевского. М., 1956; «Первые шаги индустриализации СССР 1926—1927 гг.». Сб. докум. под ред. М. П. Кима. М., 1959; «Говорят строители социализма». Воспоминания участников социалистического строительства в СССР. М., 1959; «Первый Всесоюзный съезд ударных бригад». М., 1959.

вить знак равенства между социалистическим соревнованием и тэйлоризмом.⁷⁵⁻⁷⁶

В действительности же, только капиталистическая конкуренция всегда имела и имеет в виду личный успех и частное обогащение одних за счет других, это действительно «борьба всех против всех». В социалистическом же обществе личный успех и благополучие каждого члена общества растет по мере успехов всего общественного хозяйства. Это вытекает из самой природы советского строя и подтверждается всей практикой социалистического строительства в СССР. Социалистическое соревнование всегда предусматривало помощь отстающим, подтягивание их до уровня передовых. Не случайно в ходе массового социалистического соревнования уже в начале 30-х годов возникла такая социалистическая форма труда, как «общественный буксир», когда горняки шахты им. Артема решили помочь горнякам отстающей шахты им. Октябрьской революции; их примеру последовали путиловцы, которые помогали рабочим Волгоградского тракторного завода и т. д.⁷⁷ Таких примеров можно привести только за годы первой пятилетки бесконечное множество.

В результате творческой активности и энтузиазма трудящихся первая пятилетка была выполнена досрочно и с превышением. Уже в 1929 г., первом году массового социалистического соревнования, среднегодовая выработка на одного рабочего превысила довоенный уровень России в полтора раза.⁷⁸ В 1935 г. производительность труда по всей промышленности СССР по сравнению с 1928 г. увеличилась почти в два раза.⁷⁹

Интересно, что в 30—40-х годах буржуазные историки рассматривали социалистическое соревнование более объективно. В 1930 г. У. Чемберлин писал в своей книге о Советской России, что в ходе социалистического соревнования «достигнуты реальные результаты в повышении производительности труда».⁸⁰ А. Мазур пишет, что первая пятилетка «дала инерцию массам», что «только на основе этого пробуждения можно найти объяснение для освобожденного динамизма, который дал

⁷⁵⁻⁷⁶ I. Deutscher. *Russia in Transition*. 116. Подобного же взгляда на социалистическое соревнование придерживается и Ф. Шуман. (F. Schuman, ук. соч., стр. 156).

⁷⁷ М. Эскин, ук. соч., стр. 221.

⁷⁸ П. И. Лященко, ук. соч., стр. 229.

⁷⁹ «СССР — страна социализма», М., 1936, стр. 17.

⁸⁰ W. Chamberlin. *Soviet Russia*, p. 147, 162.

возможность России выиграть битву на экономическом, а позднее и на военном фронте».⁸¹

В американской буржуазной литературе уделяется большое внимание вопросам коллективизации в СССР. Характерным примером антинаучного и клеветнического изображения характера и хода преобразований в советской деревне является изложение этих вопросов М. Фейнсомом. Для него коллективизация в СССР была не более чем «возвращением к политике насильственных реквизиций периода гражданской войны».⁸²⁻⁸³

Подобные выводы насчет характера и сущности коллективизации в СССР являются примером непонимания исторического процесса, намеренного истолкования истории с субъективно-идеалистических позиций и сводят исторический процесс лишь к сознательной деятельности людей, игнорируя закономерности, лежащие в основе материального производства. При капитализме крупное сельскохозяйственное производство вытесняет мелкое крестьянское хозяйство, приводит к его гибели. Ф. Энгельс отмечал, что «мелкий крестьянин, как и всякий пережиток отжившего способа производства, неудержимо идет к гибели».⁸⁴ Необходимость коллективизации в СССР диктовалась всем ходом экономического развития страны. В мелком крестьянском хозяйстве невозможно было в должной мере использовать ни машинную технику, ни достижения агрономической науки. Преодолеть мелкобуржуазные черты крестьянина, перевоспитать его в духе социализма можно было только на базе коллективного труда в крупном социалистическом хозяйстве.

Экономическая политика переходного периода предусматривала не только торговую смычку рабочего класса и крестьянства, но и производственную, рассчитанную на перевод мелких крестьянских хозяйств на путь производственного кооперирования социалистического типа. «В НЭПе мы сделали уступку крестьянину, — говорил В. И. Ленин, — как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации».⁸⁵ Ленинский план кооперирования крестьянских хозяйств являлся составной частью НЭПа. Состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд партии принял развернутое решение «О работе в деревне», всесторонне обосновавшее возможность и необходимость дальнейшего наступления на кулачество, укрепление союза с середняком и

⁸¹ A. Mazour, *Russia. Past and Present*. 3d ed., N. Y., 1952, p. 519.

⁸²⁻⁸³ M. Fainsod, *ук. соч.*, стр. 101.

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 16, ч. 2, стр. 444.

⁸⁵ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 33, стр. 427—428.

вовлечение трудящихся крестьян на путь социалистических преобразований в деревне.⁸⁶

Массовая коллективизация крестьянских хозяйств в 1929 г. была подготовлена всем ходом экономического, политического и культурного развития. К этому времени были созданы материально-технические условия для коллективизации. Советское государство теперь уже имело возможность финансировать в больших размерах колхозы и совхозы, обеспечить их сельскохозяйственными машинами и инвентарем. За первую пятилетку финансирование мероприятий по МТС и колхозам составило 4.7 млрд руб., в том числе 3.2 млрд — колхозам и 1.5 млрд — МТС. К этому же надо добавить финансирование строительства заводов, обслуживающих сельское хозяйство. Так, на постройку Ростсельмаша было затрачено 290 млн руб., на строительство Волгоградского тракторного завода — 125 млн, из них 35 млн руб. золотом, на Харьковский тракторный — 121 млн руб., из них 19 млн руб. золотом, на Челябинский тракторный — 155 млн руб., из них 18 млн руб. золотом.⁸⁷

Основные массы трудящегося крестьянства поддержали инициативу советской государственной власти в строительстве колхозов, так как были подготовлены к этому многими годами упорной разъяснительной работы Коммунистической партии в деревне. Социалистическое преобразование деревни проходило при большой помощи города. Зимой и весной 1929 г. в деревню были направлены сотни рабочих бригад, которые оказывали крестьянству значительную техническую помощь, проводили разъяснительную и организационную работу. По постановлению ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. в колхозы было направлено 25 тыс. промышленных рабочих, имеющих организационный и политический опыт.

Тезис о «принудительном характере» коллективизации в СССР широко распространен в реакционной американской литературе. М. Фейнсон, например, пишет, что до тех пор пока применялись только меры убеждения, процент коллективизации был очень небольшим, к октябрю 1929 г. он составил только 4.1% от общего числа крестьянских хозяйств, дальнейшее проведение коллективизации, по Фейнсону, проходило путем «насиловственного принуждения».⁸⁸

⁸⁶ «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», Изд. 7-е, М., 1954, ч. II, стр. 470—488.

⁸⁷ М. А. Краев, ук. соч., стр. 396.

⁸⁸ М. Fainsod, ук. соч., стр. 448; см. также: G. Vernadsky, ук. соч., стр. 357.

Во-первых, на октябрь 1929 г. было организовано в колхозы 7.6% всех крестьянских хозяйств, а не 4.1%, как это утверждает М. Фейнсон. Уровень коллективизации к октябрю 1929 г. в степных районах Украины составил 16%, на нижней Волге — 18.3%, на Северном Кавказе — 19%.⁸⁹

Во-вторых, Фейнсон умышленно игнорирует тот факт, что основные массы деревни — середняки — повернули на путь колхозного строительства в конце 1929 г. Наблюдая преимущества крупных обобществленных хозяйств, они все больше и больше убеждались в выгодности коллективного труда. Оправдывались ленинские слова о том, что «средний крестьянин не может сразу стать на сторону социализма, потому что он твердо стоит на том, к чему привык, осторожно относится ко всяким новшествам, проверяет сначала делом, практикой то, к чему его зовут, не решается изменить свою жизнь, пока не убедится в том, что это изменение необходимо».⁹⁰ В конце 1929 г. и наступил такой переломный момент в сознании середняцких масс, который привел к тому, что к началу 1930 г. середняки стали вступать в колхозы целыми семьями, деревнями, селами. Начался процесс сплошной коллективизации.

Убедительным опровержением измышлений реакционной литературы о «насильственных методах» коллективизации являются личные впечатления известной американской журналистки Анны-Луизы Стронг, которая имела возможность наблюдать процессы коллективизации в СССР. Свои впечатления очевидца событий А. Стронг излагает так: «Американские комментаторы обыкновенно говорят о колхозах, как созданных по принуждению... Это неправда. Я видела, как коллективизация разразилась, подобно буре, на Нижней Волге осенью 1929 г. ... Батраки и бедняки взяли инициативу в свои руки, надеясь улучшить свое положение с помощью государства. Кулаки ожесточенно боролись с колхозным движением всеми средствами вплоть до поджогов и убийств. Средняки — этот подлинный костяк сельского хозяйства — с одной стороны, стремились выйти в кулаки, а с другой — хотели получить машины от государства. Но теперь, когда по пятилетнему плану колхозникам были обещаны тракторы, вся эта огромная масса крестьян стала вступать в колхозы целыми деревнями, волостями, районами...».⁹¹ А. Стронг писала, что весенний сев 1930 г. «был самый драматический сев в человеческой истории», когда мил-

⁸⁹ М. А. Краев, ук. соч., стр. 368 и 377.

⁹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 222.

⁹¹ A. L. Strong. The Stalin Era. N. Y., 1956, p. 35—36.

лионы крестьян вместе с рабочими «за одну весну закладывали фундамент социализма в сельском хозяйстве».⁹²

В-третьих, отдельные случаи нарушения принципа добровольности, которые в ряде районов в начальный период коллективизации действительно имели место, Фейнсоуд возводит в общее правило. Между тем хорошо известно, что сразу же после первых сигналов с мест Центральный Комитет партии немедленно принял соответствующие меры. В специальном постановлении ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном строительстве», опубликованном в марте 1930 г., указывалось, что имевшие место нарушения принципа добровольности являются отступлением от ленинской линии по отношению к крестьянству. Центральный комитет решительно потребовал исправить допущенные ошибки, обязал партийные организации «прекратить наблюдающуюся в ряде мест практику принудительных методов коллективизации, ведя одновременно дальнейшую упорную работу по вовлечению крестьянства в колхозы на основе добровольности и укреплению существующих колхозов». Работников, не желающих вести решительную борьбу с искривлениями партийной линии, ЦК предложил «смещать с постов и заменять другими».⁹³ Восстановление принципа добровольности при вступлении в колхозы и ликвидация «бумажных колхозов» привели на первых порах к значительному падению процента коллективизации. Тем не менее все эти трудности были успешно преодолены, о чем говорило увеличение процента коллективизации по СССР в целом с 21.6 на 1 января 1930 г. до 23.6 на 1 мая того же года. На этот же период на Северном Кавказе было коллективизировано 58.1% всех хозяйств, на Украине — 38.2%. Жизнь подтверждала необходимость и правильность дифференцированного подхода к темпам коллективизации по отдельным районам. Об этом же свидетельствовало и развитие колхозного строительства в последующие годы. В 1931 г. процент коллективизации по СССР составил 52.7%, в 1932 г. — 61.5, в 1933 г. — 65.6, в 1934 г. — 71.4%.⁹⁴

Огромные успехи колхозного строительства создали условия для ликвидации последнего эксплуататорского класса — кулачества — на основе сплошной коллективизации. Колхозы и совхозы были уже в состоянии производить товарного хлеба больше, чем кулацкие хозяйства. В защиту кулачества высту-

⁹² Там же, стр. 40.

⁹³ «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 668—671.

⁹⁴ М. А. Краев, ук. соч., стр. 416.

пила правооппортунистическая антиленинская бухаринско-рыковская группа, не желавшая понять, что ликвидация кулачества закономерно вытекала из всего хода социалистического строительства и что без этого условия нельзя было построить социализм. Осуществление политики ликвидации кулачества как класса М. Фейнсон расценивает как применение силы, с целью «захватить кулацкие запасы». По его мнению, правая оппозиция верила, что «дорога к социализму гарантирована», поэтому она не видела никакой опасности в поощрении сильных крестьянских хозяйств, которые могли дать большое количество товарной продукции.⁹⁵ Известно, что еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин предвидел неизбежность доведения классово-вой борьбы в деревне до полной победы социалистических производственных отношений. В 1922 г. В. И. Ленин говорил о том, что решительный и последний бой с русским капитализмом неизбежен, с тем капитализмом, «который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается. Вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить».⁹⁶

Коммунистическая партия, руководствуясь ленинскими указаниями, подготовила условия для социалистического наступления в деревне и определила сроки решительного боя с последним эксплуататорским классом в стране. Ликвидация кулачества проводилась как неразрывная часть сплошной коллективизации на основе декрета ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» и многих других законодательных актов.⁹⁷

Кулачество не сдавало своих позиций без боя. Оно оказывало ожесточенное сопротивление политике Советской власти в деле хлебозаготовок, строительстве совхозов и колхозов, прибегало к террористическим актам и к запугиванию середняка. В обращении XVI конференции ВКП(б) ко всем рабочим и крестьянам Советского Союза говорилось: «Кулака и нэпмана поддерживают контрреволюционные вредители в промышленности. Им содействуют бюрократы в наших учреждениях. Их вдохновляют и всячески поддерживают иностранные капиталисты».⁹⁸ В этот же период партия вела решительную борьбу

⁹⁵ М. Fainsod, ук. соч., стр. 100, 446.

⁹⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 248.

⁹⁷ «Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства...», 1930, № 9, ст. 105, 106; № 12, ст. 140; № 13, ст. 144.

⁹⁸ «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 616.

с правооппортунистическими капитулянтами, выступавшими против линии партии на коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства увенчалась полным успехом. Благодаря победе колхозного строя советская деревня навсегда была избавлена от классового расслоения, кулацкой кабалы, нищеты и разорения. В 1937 г. валовая продукция сельского хозяйства по сравнению с 1913 г. увеличилась на 34%, а валовой сбор зерновых культур с 801 млн ц в 1913 г. возрос до 1202,9 млн в 1937 г., т. е. в полтора раза;⁹⁵ к этому году в социалистическом сельском хозяйстве имелось уже 394 тыс. тракторов и 127,2 тыс. комбайнов.¹⁰⁰

Все это трудно отрицать даже буржуазным историкам. Уолш признает, что миллионы крестьян получили возможность пользоваться плодами электрификации, механизации и современной техникой; правда, он тут же спешит оговориться, что «это не означает, что всякая другая система не могла бы дать равных или лучших результатов».¹⁰¹

Еще до сих пор некоторые американские историки пытаются уверить своих читателей, что грандиозные преобразования в промышленности и сельском хозяйстве советской страны не преследовали экономических целей, а проводились «из политических соображений», что «несмотря на огромные капиталовложения, жизненный уровень народа не повысился».¹⁰² Они не хотят видеть того, что с первых дней установления Советской власти высшим законом Коммунистической партии и правительства была борьба за повышение жизненного уровня советского народа. В 1935 г. были отменены продовольственные и промтоварные карточки, значительно выросла реальная заработная плата рабочих. Только за годы второй пятилетки она повысилась более чем в два раза.¹⁰³ Ускоренными темпами шло

⁹⁹ «Народное хозяйство СССР в 1958 г.», М., 1959, стр. 52—53.

¹⁰⁰ М. А. Краев, ук. соч., стр. 416, 418.

¹⁰¹ W. Walsh, ук. соч., стр. 456; Д. Далли (D. Dallin, ук. соч., стр. 29) убежден, что «широкая механизация проводилась не из экономической необходимости, но из политических соображений». Проведенные за последние годы мероприятия по реорганизации МТС опрокинули «пророчество» И. Дейчера (I. Deutscher, Russia in Transition, p. 134—135) о том, что если бы колхозы стали собственниками МТС, то в советской экономике произошло бы значительное усиление антисоветских элементов.

¹⁰² D. Dallin, ук. соч., стр. 29; То же самое утверждает Б. Мур (B. Moore), автор книги о СССР, вышедшей в 1954 г. Для М. Фейнсода основным итогом всех преобразований в СССР является превращение советского государства в «первоклассную военную державу» (M. Fainsood, ук. соч., стр. 102).

¹⁰³ П. И. Лященко, ук. соч., стр. 428.

строительство новых городов и поселков, благоустраивались города и жилища. Если на начало 1927 г. жилищная площадь в СССР составляла 158.9 млн м², то на начало 1936 г. она уже составляла 215 млн м².¹⁰⁴ На жилищное строительство в 1929/30 г. было израсходовано 819 млн руб. вместо 562 млн руб. в 1928/29 г., т. е. на 45.6% больше.¹⁰⁵ В 1935 г. на культурно-бытовое обслуживание рабочих и служащих было затрачено в 12 раз больше, чем в 1927/28 г.¹⁰⁶

Об улучшении материального положения трудящихся СССР в этот период свидетельствовал и значительный рост трудовых сбережений в сберегательных кассах.

Улучшение материального положения крестьян было результатом преимущества крупного механизированного колхозного хозяйства над мелким крестьянским хозяйством. За первую пятилетку урожайность зерновых хлебов возросла в среднем по СССР до 7.5 ц с га. 1933 год дал урожай в среднем до 8.8 ц с 1 га, в 1937 г. урожайность зерновых хлебов составила 11.5 ц с га.¹⁰⁷⁻¹⁰⁸ Благодаря значительному повышению урожайности валовый доход колхозников увеличился за 1934—1937 гг. более чем в 2.7 раза, а денежные доходы, распределяемые по трудодням, увеличились за эти годы в 4.5 раза.¹⁰⁹⁻¹¹⁰

В переходный период от капитализма к социализму, преодолевая огромные трудности, экономя на всем, рабочий класс сознательно шел на некоторое ограничение своих материальных потребностей, борясь в первую очередь за создание фундамента социалистической экономики. Но уже и в тот период советский народ ощутил великие преимущества социализма. Впервые в истории целью производства стала не нажива, не погоня за прибылью, а человек с его потребностями, удовлетворение растущих потребностей всего общества. Была ликвидирована безработица, увеличились расходы на социальное обеспечение, было покончено с обнищанием крестьянства, в стране происходила подлинная культурная революция. Успехи в области социалистической индустриализации и коллективизации обеспечили коренное повышение материального уровня народа.

Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства привели к полной победе социалистической системы во всех от-

¹⁰⁴ «СССР — страна социализма», стр. 58.

¹⁰⁵ С. Г. Струмилин. Очерки социалистической экономики. М., 1959. стр. 27.

¹⁰⁶ «СССР — страна социализма», стр. 53.

¹⁰⁷⁻¹⁰⁸ П. И. Ляшенко, ук. соч., стр. 417. В 1909—1913 гг. средняя урожайность зерновых была примерно 7.2 ц с 1 га.

¹⁰⁹⁻¹¹⁰ П. И. Ляшенко, ук. соч., стр. 428.

раслях народного хозяйства СССР. В 1924 г. удельный вес социалистического сектора в валовой продукции промышленности равнялся 76,3%, в 1937 г. он составлял уже 99,8%. В сельском хозяйстве в 1937 г. социалистический сектор давал 98,5% валовой продукции (включая личное подсобное хозяйство колхозников). В розничном товарообороте торговых предприятий (включая общественное питание) частнокапиталистический сектор был вытеснен полностью; тогда как еще в 1924 г. он составлял около половины.¹¹¹

Победа социализма в народном хозяйстве сопровождалась глубокими изменениями в классовом составе советского общества, ликвидацией эксплуататорских классов — городской буржуазии и кулачества. Советское общество теперь состояло из двух дружественных классов — рабочих и крестьян и тесно связанной с ними советской интеллигенции.

Вопреки исторической действительности, буржуазные историки допускают произвольное, антинаучное толкование классового состава советского общества. Так, Д. Далин рассматривает государственных служащих и интеллигенцию как особые классы и притом «высшие» по отношению к рабочим и крестьянам. Вряд ли нужно объяснять, что единственным критерием, которым пользовался Далин в определении классовой структуры советского общества, было его враждебное отношение к СССР.

Термины «государственные служащие» и «интеллигенция» для Далина «почти идентичны».¹¹² Отождествление этих терминов понадобилось ему для того, чтобы показать «фантастический рост высшего класса» и при этом ни словом не обмолвиться о его составе. Факты показывают, что мы имеем здесь дело с одной из фальсификаций истории советского общества.

Формирование и рост советской трудовой интеллигенции были обусловлены проведением политики индустриализации, коллективизации и культурной революции, построением социализма в СССР. В 1913 г. в просвещении и здравоохранении был занят 1% всего самостоятельного населения царской России. В результате осуществления мероприятий по повышению культурного уровня советского народа, а также улучшению и развитию медицинской помощи населению удельный вес работников просвещения и здравоохранения составил в 1940 г. уже 6% населения, занятого в народном хозяйстве.¹¹³ Если в 1913 г. спе-

¹¹¹ «Народное хозяйство СССР», 1956, стр. 31.

¹¹² D. Dallin, ук. соч., стр. 20—21, 42.

¹¹³ «Народное хозяйство СССР в 1958 г.», стр. 655; работники просве-

циалистов с высшим и средним специальным образованием насчитывалось 190 тыс., то в 1940 г. их было 2,4 млн человек, из них 311 тыс. работали в промышленности, 465 тыс. — в учреждениях здравоохранения, 944 тыс. — в системе просвещения, 123 тыс. — в научно-исследовательских и проектных учреждениях, 281 тыс. — в аппарате органов государственного и хозяйственного управления.¹¹⁴ Даже некоторые буржуазные историки вынуждены отметить тот факт, что при Советской власти огромное число людей крестьянского и рабочего происхождения выдвинулись в ряды интеллигенции,¹¹⁵ тем самым признавая принципиально новый характер советской интеллигенции.

В реакционной буржуазной историографии широко распространена теория «элитизма», согласно которой общество делится на активное господствующее меньшинство и на массу, которая пассивна и не играет творческой роли в истории. Стремясь применить эту антинаучную теорию к советской действительности, буржуазные историки нагромождают одну нелепость на другую. Нужно, действительно, не уважать ни историческую науку, ни своих читателей, чтобы преподносить в качестве научного «открытия» такую, например, мысль: после гражданской войны государственные служащие в Советской Республике воспользовались «социальным вакуумом» для сосредоточения власти в своих руках.¹¹⁶⁻¹¹⁷ Извратить сущность советского демократизма, принизить творческую активность советского народа в строительстве социализма и коммунизма — вот основная цель, которую преследуют авторы подобных «теорий». Работники советского государственного аппарата, равно как и техническая интеллигенция, не образуют особого класса. В отличие от управляющих и директоров капиталистических предприятий, которые всецело защищают интересы монополий, причем многие из них сами являются крупными собственниками-монополистами, советские руководящие работники выполняют свои функции в интересах всего советского общества.

Ф. Шуман поставил себе целью отыскать в Советском государстве черты, родственные капитализму. По его мнению, и социализм и капитализм являются «современными индустриальными обществами», которым приходится решать «сходные

щения и здравоохранения в 1940 г. составили почти половину всего населения, занятого в непродовольственных отраслях (там же).

¹¹⁴ Там же, стр. 673.

¹¹⁵ «RSFSR», vol. II, New Haven, 1957, p. 477; F. Schuman, соч., стр. 427.

¹¹⁶⁻¹¹⁷ I. Deutscher, ук. соч., стр. 8.

проблемы управления, укрепления руководства, социальной мобильности и подчинения, производства и потребления, накопления и капиталовложения». В своей апологии капитализма Ф. Шуман дошел до нелепого утверждения, будто бы советское общество более резко разделено на классы, чем «развитые капиталистические общества Атлантики».¹¹⁸

Учение о классах, разработанное марксистско-ленинской наукой об обществе, базируется на материалистическом понимании сущности того или иного класса. Основным признаком, отличающим общественные классы друг от друга и устанавливающим их место в системе общественного производства, является отношение людей к средствам производства. «Классами называются, — писал В. И. Ленин, — большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства».¹¹⁹

Марксистско-ленинская теория классов и классовой борьбы безусловно неприемлема для буржуазных историков. При определении классовой структуры советского общества Ф. Шуман пытается применить «распределительную теорию» общественных классов, широко пропагандируемую в США представителями так называемой «индустриальной социологии».¹²⁰ Если применение «распределительной теории» к капиталистическому обществу имеет целью связать существование классов только с неравенством в величине дохода, таким образом, затушевывая действительную причину раскола буржуазного общества на классы, то ее применение к социалистическому обществу связано со стремлением доказать, что общественная собственность на средства производства в СССР не является основным критерием в определении классовой структуры советского общества.

¹¹⁸ F. Schuman, ук. соч., стр. 419—420, 476. Такого же взгляда придерживаются Бауэр, Инкелес и Клюкхон (R. Bauer, A. Inceles, Cl. Kluckhohn. How the Soviet System Works, p. 26).

¹¹⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 388.

¹²⁰ См., например, D. Miller and W. Form. Industrial Sociology N. Y., 1951.

В условиях социализма исключается классовое неравенство, поскольку отсутствуют эксплуататорские классы, исключается возможность присвоения чужого труда. В СССР существует равная оплата за равный труд. Различие же в долях, получаемых при распределении в социалистическом обществе, не является результатом присвоения чужого труда, это различие складывается при оплате труда разной квалификации. В Советском государстве осуществляется основной принцип социализма: «от каждого — по его способностям, каждому — по его труду».

И если в капиталистическом обществе значительная часть национального дохода присваивается эксплуататорскими классами, то в СССР большая часть национального дохода идет на удовлетворение нужд трудящихся. В 1940 г. на выплаты по социальному страхованию, пособия, пенсии, бесплатное медицинское обслуживание, оплату отпусков, на бесплатное образование было израсходовано 42 млрд руб., в 1958 г. на эти цели было затрачено 215 млрд руб.¹²¹

При этом нужно учесть, что на обеспечении государства, колхозов и общественных организаций находится около 20 млн пенсионеров, 5 млн детей находится в детских садах, яслях и детских домах, 3,3 млн студентов высших и средних специальных учебных заведений, учащихся школ, училищ трудовых резервов обеспечиваются государственной стипендией и общежитием.¹²² Такое распределение национального дохода возможно только в социалистическом обществе, где нет эксплуататорских классов, а средства производства принадлежат трудящимся.

Таковы факты и цифры. Буржуазные же идеологи, пытаясь представить в извращенном свете весь процесс строительства социализма, игнорируют коренные изменения классовой структуры советского общества в результате победы социализма, в процессе социалистических преобразований.

По данным 1937 г., советское общество состояло только из трудящихся классов и трудовых групп. Классовая структура населения СССР характеризовалась следующими данными: удельный вес рабочих и служащих равнялся 36,2%, колхозного крестьянства и кооперированных кустарей — 57,9%, крестьян-единоличников (без кулаков) и некооперированных кустарей и ремесленников — 5,9%.¹²³

¹²¹ «Народное хозяйство СССР в 1958 г.», стр. 108.

¹²² Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. Доклад на внеочередном XXI съезде КПСС. Стенографический отчет. Т. I, М., 1959, стр. 97—98.

¹²³ «Народное хозяйство СССР», 1956, стр. 19.

Ликвидация эксплуататорских классов в Советском Союзе привела к коренным переменам в социально-политическом облике двух основных классов советского общества — рабочих и крестьян.

Победа социализма в СССР, одержанная советским народом под руководством Коммунистической партии, была великим всемирно-историческим подвигом. Весь ход социалистических преобразований является наглядным и убедительным опровержением клеветнических вымыслов идеологов буржуазии.

Исторический опыт Советского Союза — первой страны социализма — оказывает глубокое воздействие на сознание всех прогрессивных деятелей мира, широких народных масс во всех странах земного шара.

Этот опыт получил высокую оценку в Заявлении совещания представителей коммунистических и рабочих партий. «Советский Союз, — говорится в заявлении, — первым в истории прокладывает путь к коммунизму для всего человечества. Он является самым ярким примером и самым могущественным оплотом для народов всего мира в их борьбе за мир, демократические свободы, национальную независимость, социальный прогресс».¹²⁴

Подводя итоги, еще раз следует подчеркнуть, что на характере современной американской литературы по истории советского общества сказывается значительное влияние политики империалистических кругов. И. Дейчер утверждает, что «западная историография редко была повинна в полной фальсификации, но она не была невиновна в замалчивании фактов».¹²⁵ Приходится констатировать, что некоторые буржуазные историки не ограничиваются замалчиванием неудобных для них данных, но очень часто прибегают к прямой их фальсификации. Однако симпатии прогрессивных людей Америки были всегда на стороне СССР. У. Фостер, Дж. Рид, А. Вильямс, Б. Бетти, А. Росс, Л. Стеффенс, А. Стронг и другие в своих работах старались донести до американцев правду о Советской стране и ее народе.¹²⁶

«Все эти люди в той или иной степени поняли истинную сущность и красоту решительных революционных преобразова-

¹²⁴ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. Госполитиздат, М., 1961, стр. 46.

¹²⁵ I. Deutscher. *Russia in Transition*, p. 184.

¹²⁶ См., например, W. Foster. *The Russian Revolution*. Chicago, 1921; A. Williams. 1) *Through the Russian Revolution*. N. Y., 1921 (эту книгу автор посвятил «рабочим и крестьянам, которые погибли, защищая революцию»); 2) *The Soviets*. N. Y., 1937; A. Strong. 1) *This Soviet World*. N. Y., 1936; 2) *Dictatorship and Democracy in the Soviet Union*. N. Y., 1934, и др.

ний и каждый из них по-своему стремился довести эту истину до своих соотечественников, стремился способствовать тому, чтобы взгляды и политика американцев больше соответствовали этой волнующей действительности... История настойчивых и мужественных усилий этих американцев составляет замечательную согревающую душу главу о долгой-долгой борьбе за взаимопонимание и сотрудничество...», — писал А. Вильямс в день 42-й годовщины Октябрьской революции.¹²⁷

Замечательные успехи Советского Союза позволяют простым американцам все больше убеждаться в том, что на протяжении более четырех десятилетий от них скрывали правду о новом советском обществе.

¹²⁷ «Литературная газета», 1959, 7 ноября.